

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОБ ОТРЯДЕ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

**Сергей
САМАРОВ**

**ЛУЧШЕ
УМЕРЕТЬ В БОЮ**

**ЭКСМО
МОСКВА
2014**

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 17

Ранее книга выходила под названием
«Ядовитый полигон»

Самаров С. В.

С 17 Лучше умереть в бою / Сергей Самаров. — М. :
Эксмо, 2014. — 352 с. — (ВОЛКОДАВЫ. Лучшие ро-
маны об отряде специального назначения).

ISBN 978-5-699-69616-1

В дагестанское село переброшен отряд из трех десятков бойцов, якобы принадлежащий некой сверхсекретной российской спецслужбе. Волею судеб в нем оказывается и старший лейтенант спецназа ГРУ Самоваров. Вскоре офицер выясняет, что это вовсе не бойцы из секретного отряда, а террористы, которые занимаются испытанием нового биологического оружия. Сначала они испытывают заразу на животных, но от неизвестной болезни начинают гибнуть и люди. Ситуация вот-вот выйдет из-под контроля и обернется грандиозной трагедией. У Самоварова нет времени на размышление. И он начинает свою войну...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Самаров С., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-69616-1

ПРОЛОГ

Капитан в грязном, промасленном бушлате курил сигарету за сигаретой, ежился от холода и втягивал руки в рукава, наблюдая за нашими занятиями. Кажется, он был зампотехом батальона мотострелковой бригады, на территории которого временно квартировался наш сводный отряд спецназа ГРУ. Никакого отношения к боевой подготовке капитан не имел в принципе. Его дело — бронетранспортеры и боевые машины пехоты, ремонт и настройка техники, снабжение запчастями и топливом, но уж никак не оценка умения солдат спецназа ГРУ проходить полосу препятствий. Более того, даже подготовка солдат его батальона совсем не должна была волновать капитана. А тут за нашими занятиями наблюдает... Внимательно. С прищуром. Это раздражало. Тем более что на территории была создана не привычная для нас спецназовская полоса препятствий, а обычная общевойсковая. Здесь и дистанция не наша, четырехсотметровая, а всего-то около сорока метров, от силы пятьдесят, и препятствий соответственно меньше, да и сами пре-

пятствия совсем не те, к которым мы привыкли. Забор, кирпичная стена, бум-бревно, окоп, яма, полоса для передвижения ползком — и все.

Особенно меня раздражала как раз эта полоса. Ладно, хоть проволоку колючую сверху протянули. В других частях в срединной России сейчас просто гладкую проволоку натягивают. Заденешь ее, и ничего, никто не поцарапается. Это, конечно, несерьезно. А высота натянутой проволоки в сорок сантиметров меня как командира взвода спецназа ГРУ не устраивала категорически. На такой полосе ползать толком не научишься. Наша стандартная полоса на десять сантиметров ниже, и промежутки между проволокой не полуметровые, как здесь, а сантиметров в двадцать. Следовательно, колючек на проволоке намного больше, и оттопыривать зад при передвижении отучишься быстро. А это уже какая-то гарантия, что в боевых условиях не получишь пулю в «кормовую» часть. Те, кто под простой проволокой ползает, наверняка «поймают» ее в боевой обстановке. А мои солдаты — нет.

Но нам в этой командировке приходилось довольствоваться тем, что оказалось под рукой. У мотострелковой бригады база совсем другая, нежели в бригаде спецназа ГРУ; здесь классов больше, но нет условий для полноценной боевой подготовки. Тем не менее, мы и здесь тренировались как могли. Раздражало только то, что на полосе препятствий не было участка для стрельбы. И все боевые стрельбы в мотострелковом

батальоне проводились на загородном стрельбище. Так к реальному бою не подготовишься. На отдельном стрельбище можно только из статичного положения стрелять. Как в тире, только на свежем воздухе. У нас же в бригаде стрельбище совмещено с полосой препятствий. Солдат обязан уметь одновременно и передвигаться, и стрелять. Причем мишени выставлялись и автоматные, и пулеметные, и гранатометные, и огнеметные. И не отдельный гранатометчик или огнеметчик обязан освоить стрельбу в динамике, а каждый солдат, потому что в спецназе ГРУ любой боец является самостоятельной единицей и обязан уметь вести бой любыми средствами в любой обстановке, даже в одиночку. И уж конечно, не должен обращать внимания на то, что земля начала промерзать. К этому нужно привыкать. Кто шевелится, двигается, тот и не мерзнет.

Капитан с хрипом прокашлялся, затоптал очередную сигарету и снова поежился перед тем, как достать следующую. Он мерз не оттого, что было жутко холодно. Погода на Северном Кавказе даже в предзимние месяцы не слишком морозная, а временами даже сырая. Он мерз, наблюдая, как мои солдаты пластаются по холодной, на его взгляд, земле. Станный капитан. Я его давно заметил. И не только рядом со своим взводом. В нашем сводном отряде шесть взводов. И зампотех батальона ходил смотреть наши занятия регулярно. То с одним взводом, то с другим. Словно бы учился. Да он, наверное, так и думает,

будто опыт перенимает. Однако в его возрасте и при его звании пора бы уже знать, что обучиться чему-то можно только на практике, а отнюдь не при наблюдении. Наблюдая за некурящими, курить не бросишь. При наблюдении можно только теорию освоить, да и то если кто-то будет объяснять ему тонкости, и не мимоходом, а с толком, с подробностями. Лекцию, то есть, прочтет, а потом зачет примет. Лучше бы уж сам поползал и побегал, тогда и согрелся бы. Я-то, давая задание взводу, дважды полосу вместе со всеми (вернее, впереди всех) прошел, чтобы темп задать, хотя, конечно, солдатам тягаться с офицером трудно.

— Все! Конец занятий! — скомандовал я. — Построились, и колонной бегом вокруг полосы препятствий три круга. Темп высокий. По завершении тем же темпом в казарму. И не расслабляться. Зал пока занят. Заниматься будем или в самой казарме, или даже перед казармой. На воздухе лучше. По расписанию у нас «рукопашка»... Готовьтесь.

Капитан вздохнул, расстраиваясь каким-то своим мыслям, и снова закашлялся. Взвод же загудел довольным роем пчел. «Рукопашку» солдаты почему-то любят и готовы круглые сутки бить друг другу морды. Впрочем, я их этим не балую. «Рукопашка» в боевых условиях редко приходится к месту. Есть множество других дисциплин, которые следует освоить в большей степени.

Время шло к вечеру, а темнело сейчас очень рано. Поэтому мне пришлось закончить занятия

с солдатами на тренировочном полигоне раньше, чем положено. На неосвещенных участках уже ничего не было видно. Фонари стояли только по углам периметра, но из четырех горели лишь два по диагонали. Конечно же, всю полосу препятствий они не освещали. На ту же колючую проволоку напорешься в темноте — рад не будешь.

Конечно, наш род войск такой, что мы должны обучаться в том числе — и даже в первую очередь — ночным действиям. Зря, что ли, нас «летучими мышами» зовут, и эта же животина нашла себе место на эмблеме спецназа ГРУ? Но это обучение будет позже. У меня же половина взвода — молодые солдаты. Их еще предстоит подготовить. Сначала научить толково проходить полосу препятствий днем, в том числе с завязанными глазами, — и только потом ночью. Это обычная практика.

Вообще-то, честно говоря, сначала я вообще был против этой трехмесячной командировки. Мне как раз трех месяцев не хватало, чтобы хотя бы более-менее подготовить молодых солдат к ведению боевых действий. И изначально нас никто отправлять не планировал. Но сложились какие-то обстоятельства, изменившие планы командования, и наш взвод поставили на замену. А что такое обучение в процессе боевых действий? Это повышенная опасность для солдат. Но нынче на Северном Кавказе полноценные боевые действия не велись, и командование бригады обещало, что даже в командировке мой взвод будет только в запасе. Честно говоря, в запасе мы и оставались, и проходили подготовку

на не слишком подходящей для этого базе мотострелкового батальона. Тренировал я парней усиленно, стараясь за счет интенсивности привести их в боевую форму. А отдыхать дома будут. Какой-то начальник в порыве реформаторства придумал, что служить солдату положено только год. А настоящего солдата — по крайней мере, настоящего спецназовца — готовить нужно не менее полутора лет. Солдат только к четырехчасовому режиму сна, принятому в спецназе ГРУ, год привыкает. И лишь через год перестает страдать от недосыпа, чувствуя себя всегда бодрым и выспавшимся. Но уже через год ему отправляться домой...

Впрочем, в армии приказы, как известно, обсуждать не принято. И в самых скверных условиях мы старались выжать из ситуации максимум. Кроме того, меня еще одолевали и противоречивые чувства. Воевать с бандитами, тоже не обученными, мои солдаты могли бы, пожалуй, и на нынешнем уровне подготовки. Тем более что почти половина личного состава взвода — парни с опытом. Их даже обижало положение запасных. Бойцам хотелось серьезного дела. Хотя, конечно, одновременно оставались и опасения. Спецназ ГРУ привык воевать практически без потерь, это еще со времен Афгана так повелось. За счет более качественной и жесткой подготовки наши бойцы не позволяли противнику нанести себе урон. Но, опять же, желания в армейской действительности значат мало. Здесь все решают приказ и обстоятельства...

* * *

Мой взвод действительно берегли, что меня, честно сказать, даже слегка обижало. В других взводах тоже есть необстрелянные солдаты, хотя и не в таком количестве, как у меня. А моим тоже было бы не грех получить боевое крещение. Но если уж решили не брать на очередной выход, то хотя бы предупредили, а то я узнал обо всем только от дежурного по мотострелковому батальону. Правда, бывают ситуации, что и предупредить некогда, это я понимаю, но все же хотелось бы к себе больше внимания от командира, хотя мы с ним из разных бригад и раньше не встречались.

Весь отряд, кроме моего взвода, по тревоге отправили на границу с соседним районом. Что-то там произошло, о чем мне не сказали, да и командиру отряда, наверное, сообщили только по прибытии на место, как это обычно бывает. А нам освободили для занятий спортивный зал. Правда, он был небольшим. Наверное, меньше бывает только в старых сельских школах. Тем не менее, нас и это устраивало. Все-таки в зале заниматься лучше, чем в казарме. Тут, по крайней мере, есть маты, которые можно использовать при отработке приемов, пока бойцы не научатся правильно падать. Когда техникой овладеют, можно будет занятия и на асфальте проводить. Умение падать — это очень важный момент в рукопашном бою, потому что любое неправильное

падение вполне можно сравнить по силе воздействия с пропущенным сильным ударом в челюсть.

Но мы даже разминку провести не успели, как дверь в зал распахнулась и вошел давешний капитан, зампотех батальона, а вместе с ним — трое местных, судя по физиономиям, ментов. Один из них, видимо, старший офицер — хотя погон под бронезилетом видно не было, но по возрасту ему пора уже было быть старшим офицером, — был рослым, широкоплечим и важным. Капитан сделал мне знак, приглашая к двери. Я подошел.

— Старлей, тут такое дело... Меня дежурный к тебе послал. К нам за подмогой приехали. А мы кого выставить можем? Выручай. Наши пацаны в такой ситуации не потянут...

— Что случилось-то? — спросил я, чувствуя, как глаза у меня загораются надеждой.

— Вот, товарищ подполковник объяснит.

Старший мент важно, как будто делал одолжение, протянул мне руку для рукопожатия. Мне его жест сам по себе не понравился. Не люблю в людях важность, хотя уважаю чужую самооценку. Но когда самооценка становится гордыней, это неприятно. И я с силой пожал протянутую ладонь, ожидая, что этот большущий подполковник поморщится, как морщатся практически все, кому я жму руку. Но он вытерпел, хотя и сильно напрягся, показывая, что тоже человек не слабый. А у меня пальцы такие, что гвоздь-двухсотку в узел завязываю. Правда, затянуть узел не получается,

тем не менее редко кто может повторить то, что я делаю. А однажды в бою, когда у меня кончились патроны, я ногой выбил у противника автомат, увернулся от его кулака и мне в кисть каким-то образом попал его бицепс. Не знаю, как это получилось, позже повторить это у меня случая не представлялось, но я вырвал бандиту из руки всю мышцу, начисто разорвав связки. В тюремном лазарете с хирургической операцией не справились, и бандит на всю жизнь остался одноруким.

— Старший лейтенант Самоваров, — представился я.

— Подполковник Нажмутдинов, Шахмарданом Саламовичем меня зовут. Начальник отдела вневедомственной охраны района, — представился он в ответ все так же важно.

Говорил офицер с сильным кавказским акцентом, при этом совсем без напряжения, даже слегка флегматично. Значит, акцент не от волнения и не от торопливости, как часто случается, а от природы.

— У нас в городе ограбили ювелирный магазин. Целый сейф с драгоценностями вывезли. При ограблении убит наш лейтенант. Грабителей преследовали. Они укрылись в жилом доме на окраине пригородного поселка. Бандитов было трое. В доме находятся по крайней мере еще четверо мужчин. Все вооружены, оказывают сопротивление. Мы сначала сунулись в открытую — нас встретили автоматным огнем. Убиты еще два наших сотрудника, один ранен. А у нас, как на-

зло, почти весь личный состав в соседний район перебросили. Туда же, наверное, куда и ваших. И весь ОМОН там же. Говорят, в ущелье обложили большую банду. У меня сейчас три человека здоровых и один раненый держат на мушке дом и двор, выйти бандитам не дают. Больше и выставить некого. Вот я к армии и пришел за помощью. Комбата не застал, а дежурный к тебе направил. Может, поможешь? Вы все-таки спецназ...

— Поможем, — без раздумий согласился я, даже радуясь, что в отсутствие основных сил спецназа нам досталась достаточно сложная задача.

По нынешним временам, конечно, сложная. Сейчас ведь как бывает? Двух, от силы трех бандитов где-нибудь обложат — и вызывают спецназ на уничтожение. И большие, кстати, силы подтягивают. А здесь силами одного взвода нам предстоит штурмовать дом, в котором засели семеро бандитов. Да еще и гражданские там наверняка есть. Может, женщины и дети. Это делает штурм более сложным. Кроме того, ночное время тоже накладывает свой отпечаток и создает дополнительные трудности. Да еще операция предстояла не спланированная заранее, а предусматривающая действия наобум. Конечно, приказа я не получал. Но существуют действия по получению приказа — и действия по обстоятельствам. Сейчас выпал как раз второй вариант. И я этим обстоятельством, честно говоря, был в глубине

души даже доволен. И ребят обстрелять можно, и себя показать.

— Капитан, три бэтээра сможешь выделить?

— Я не могу. Не уполномочен, — замполтех снова прокашлялся, хотя в спортзале был без сигареты. Похоже, впрок накурился, на всю оставшуюся жизнь себе кашель обеспечил. — Дежурный, наверное, комбату уже дозвонился. Он после согласования может распорядиться. Прикажут — я отправлю. Без проблем. Машины в боевой готовности.

— Пока мы собираемся, сгоняй к дежурному, — попросил я. — Три бронетранспортера с полным боекомплектом. Только, естественно, со своими водителями и наводчиками. Хотя... Наводчика только одного дай. Вместо второго я сам сяду, вместо третьего своего сержанта посажу. Иначе мы все не поместимся.

— Ладно. Но водители только наши. Думаю, комбат против не будет.

— Согласен. Я тоже свою машину только жене доверяю...